

ПАВЕЛ ЛУНГИН:

Новые Известия - 2005 - 14 янв. - с. 1, 19

«Россия для Запада больше не экзотика»

ИТАР-ТАСС. АЛЕКСАНДР КУРОВ

МАРИЯ ДУБОВА

В разгар рождественских праздников известный кинорежиссер Павел Лунгин (автор «Такси-блюза», «Луна-парка» и «Олигарха») заканчивает съемки необычной ленты под названием «Дело о мертвых душах». В основу своей 8-серийной гоголиады Павел Лунгин взял сразу несколько произведений классика — «Шинель», «Вий», «Сорочинская ярмарка», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор». В интервью «Новым Известиям» Павел ЛУНГИН рассказывает, почему в кино сегодня вновь возвращается мода на классику.

— Павел Семенович, сейчас вы экранизируете «Мертвые души» Николая Васильевича Гоголя. Это — первое ваше обращение к классике. До сих пор вы были чуть ли не

единственным режиссером в нашей стране, кто пытался передавать в кино действительность, современность. Почему вы отказались от этого?

— Да, действительно, до сих пор все мои фильмы «пережевывали» современность, мне было интересно играть с коллективным бессознательным. И тем не менее я всегда себя спрашивал: ну почему бы не взять какое-нибудь первоклассное классическое произведение и не перенести его на экран? Но, признаться, я всегда этого боялся, мне казалось, что хорошая литература никогда не могла найти достойного воплощения на киноэкране, и у меня это тоже не получится. С другой стороны, зато какое удовольствие можно получить от прикосновения к классике! И я все-таки не смог отказать себе в этом удовольствии! И когда мне предложили экранизировать «Мертвые души», я сразу загорелся. Подумал: а как это можно сделать?

Окончание на стр. 19

«Россия для Запада больше не экзотика»

ИТАР-ТАСС. АЛЕКСАНДР КУРОВ

Павел Лунгин на съемках фильма «Дело о мертвых душах».

Окончание. Начало на стр. 1

— И что, придумали, как по-новому перенести на экран Гоголя?

— Честно говоря, глупо было бы говорить, что я любил «Мертвые души». Нет! Читал — да, но не то чтобы был в восторге. Ведь в «Мертвых душах» есть какая-то ужасная «ловушка»: там, где по всем канонам должно быть смешно, все-таки не до смеха! К тому же там испытываешь другого рода наслаждение: от того, как слова составлены в предложения. Я подумал, а как же все это может быть на экране? Вот приезжает к кому-то Чичиков и говорит про эти «души», честно за них расплачивается и уезжает. Формализм какой-то! И вдруг мне пришла в голову идея сделать кино в форме расследования дела о мертвых душах. И собрать в это кино всех персонажей Гоголя, всунуть туда и Хлестакова, и Городничего, и Вия, и много кого еще. Чтобы получилась картина гоголевской России, в которой как бы наверху — рововская причудливая власть (которую мы имели и сто лет назад, и десять, и сейчас имеем), посередине — все эти Хлестаковы, Акакии Акакиевичи и прочие, а внизу — «мертвые души» и Вия. По-моему об этом всегда мечтал сам Гоголь. Я его мечту воплотил!

— Ваш новый проект наверняка обойдется недешево. Когда вы снимали «Олигарха», говорили, что с олигархов денег на кино не берете. Ситуация не изменилась? И, кстати, чем же вам так не угодили олигархи? Они вам сами денег не предлагают или вы из морально-этических соображений отказываетесь?

— Есть люди, которые умеют просить деньги и которые не умеют. Я — как никогда не умел, так по-прежнему и не умею. И, к чести самих олигархов, надо сказать, что они не выстраиваются передо мной в очередь с криками: «Бери у меня! Бери у меня!» Кто мне предлагает, с тем и работаю. Вы же наверняка знаете, что большинство своих картин я сделал на европейские деньги, точнее на французские. В России до сих пор находить деньги на кино очень сложно. «Дело о мертвых душах» — только вторая моя картина, помимо «Олигарха», которая снимается при поддержке российских независимых продюсерских кинокомпаний. С другой стороны — мне всегда хотелось быть свободным, поэтому я и не искал «олигархических» денег. И дело не в том, что я считаю их воплощением зла. Напротив, олигар-

хи — это какое-то удивительное явление, в котором много чего намешано. Их можно и судить, и разбирать, и понимать, не понимать, и анатомически препарировать... но, денег, на мой взгляд, лучше у них не брать.

— Многие до сих пор не могут простить, что вы сняли картину «Олигарх» про Березовского. Вам не надоели эти упреки?

— Знаете, всеобщий интерес к Березовскому вполне объясним и понятен. Ведь это интерес к личности дьявола. Который сложно искоренить. Но, мне кажется, герой Владимира Машкова — это в самой меньшей степени Березовский. Платон — образ собирательный. И хотелось бы мне посмотреть на человека, который мог бы похвастаться тем, что знает характер Березовского! Я лично совершенно его не знаю. В моем олигархе в результате оказалось больше от меня, чем от Березовского. Но люди все равно хотели и хотят смотреть про Березовского. Кто же им в этом откажет? Кто ищет, тот всегда найдет!

— Странная вещь: слова «олигарх», по-моему, нет ни в одном другом языке мира...

— По-моему, тоже. У нас оно появилось с легкой руки Владимира Ильича Ленина. Он любил в своих статьях писать про латифундистов и олигархов. Если же вернуться к этимологии этого слова, к его истокам, то можно вспомнить, что олигархи появились в Древней Греции. То были люди, которые соединяли владения оливковыми плантациями. Олигарх возник от слова «олия» — оливковое масло. А так как в бедной нищей Греции кроме оливкового масла ничего, собственно, больше не было, то олигархи «взяли за горло» Афины. И что хотели, то там и творили. Сегодняшние олигархи — это люди, которые не будучи официально у власти, силой денег и, видимо, ума меняют не только свою жизнь, но и жизнь государства и своих сограждан.

— Кстати, о государстве. Вы, как человек, постоянно проживающий во Франции, снимающий фильмы на европейские деньги и побеждающий на европейских киносмотрках, можете ответить на вопрос: какая Россия сегодня актуальна на Западе, какую Россию хотят видеть там?

— Никакую. Мне никто не верит, когда я это утверждаю, но времена России прошли. Она была актуальна во времена моего «Такси-блюза» (год создания — 1990-й. — «НИ»). Сегодня Россия уже не экзотика, к ней равнодушны — никто особенно ею не интересуется, но никто и не пренебрегает. То же самое можно сказать и про кино. Если проблемы, которые затрагивает наше кино, соотносятся с общечеловеческими проблемами, тогда они вызывают интерес. Вот любопытное, на мой взгляд, сравнение. Как вы знаете, индустрия путешествий сейчас приобрела безумный характер. Причем не только в России, но и во всем мире. И если фильм дает возможность путешествовать не только по странам и континентам, но и, например, в голову других людей, в их жизнь, то такое путешествие люди покупают. Например, мой фильм «Свадьба». В России этот фильм восприняли как очернительский по отношению непосредственно к самой стране, а на Западе «Свадьба» была воспринята как слишком оптимистичная и святочная картина. Там ждали меньшего веселья, меньшего счастья, большей нищеты. Тем не менее нашлись люди — и там, и здесь, которые этот фильм полюбили, почувствовали в нем просто человеческое содержание. Я в определенный момент для себя твердо решил: мне не важно, как я показываю Россию, меня интересуют прежде всего человеческие истории. Мне кажется, что в кино необходимо рассказывать историю, а не высказывать проблему. Тогда рассказываешь историю, тогда приходит и проблема.

СПРАВКА

Павел ЛУНГИН родился 12 июля 1949 года в Москве, в семье сценариста Семена Лунгина. В 1971 году окончил отделение математической и прикладной лингвистики МГУ, а в 1980 году — Высшие сценарные курсы. В кино Павел Лунгин дебютировал как сценарист в 1976 году фильмом «Все дело в брате». Затем по его сценариям были поставлены фильмы «Конец императора тайги» и «Непобедимый». В 1990 году он успешно дебютировал в качестве режиссера — по собственному сценарию поставил фильм «Такси-блюз», удостоенный в Каннах «Специального приза за режиссуру». После этого снял фильмы «Луна-парк» (1992), «Линия жизни» (1996), «Свадьба» (2000, приз Каннского фестиваля «За лучший подбор актерского ансамбля»), «Олигарх» (2002). В его арсенале также несколько документальных картин. С начала 90-х годов живет во Франции.